

ТЮРЬМА

НАРОДОВ

Александр Силецкий

Парадоксы свободы

Александр Силецкий – ярчайший представитель потерянного поколения российской фантастики. Того самого, по которому прошелся слом социальной формации.

Первая публикация Силецкого датируется 1963 годом, он тогда еще учился в школе. В журнале «Юный техник» вышел его рассказ «Галактик Шуз в космосе»... Потом была победа на международном конкурсе фантастических рассказов... Потом он буквально блистал на семинарах молодых фантастов, которые проходили в начале и середине восьмидесятых годов. Пропорциональное сочетание искрометного, близкого к абсурду юмора и философской грустинки, тонкого психологизма и безупречного стиля изложения, тяготеющего к ритмизованной прозе, приводили в восторг искусственных в литературе руководителей семинаров, молодых коллег и редких, наиболее активных любителей фантастики, прорвавшихся на эти, в общем, закрытые мероприятия... О публикации большинства произведений в то время даже и речи не шло – сатирическая фантастика в манере Салтыкова-Щедрина была на грани запрета...

Книгоиздательский вал перестройки принес Александру всего один сборник рассказов и несколько публикаций в коллективных антологиях, а потом – как отрезало... Если раньше его романы и повести не печатались по политическим соображениям, то теперь – по коммерческим. Нет в них ни боев, ни перестрелок, ни магии, ни драконов...

И только в 2002 году, наконец, вышла его первая книга романов «Завоеватель планет», в ней два произведения, они очень разные, но – об одном. О свободе – внутренней и внешней. Оба произведения были написаны в середине 80-х годов, и в перестроечные годы они могли показаться устаревшими. Но сейчас они читаются с еще большим интересом и ощущением злободневности. Потому что при любом строе власть остается властью, а свобода – свободой...

Как нетрудно догадаться по названию, о свободе и новый рассказ Александра Силецкого. Как обычно, он подходит к этому вопросу по-философски. И как обычно, ставит его в предельно парадоксальной форме. Кажется, герой этого рассказа противоречит сам себе, говорит полный бред... Ан нет, все это так свойственно человеку, особенно нашему российскому человеку – чувствовать себя внутренне свободным в нищете и разрухе и при этом тяготиться несвободой, связанной с невозможностью преодолеть законы природы... Александр Силецкий как никто другой способен подойти к самым заурядным, бытовым вопросам с вселенским философским размахом. И размах этот впечатляет посильнее, чем иные космические оперы и эпические сказания.

Андрей Щербак-Жуков
писатель, журналист, искусствовед.

Никифор Подковыров по обыкновению проснулся рано и прислушался, не открывая глаз. Если лежать вот так, зажмурившись, то все звуки, которыми полнился дом, становились особенно отчетливыми и словно выстраивались по ранжиру: этот – главный, на него необходимо сразу обратить внимание, а эти – пустяковые, их можно даже и не замечать пока что, время не пришло. Хотя скоро и они, наверняка, начнут зловредничать и отравлять существование...

Ну, что там слышно? Трубы хлюпают и булькают, но это ничего, еще терпимо. Голосит сливной бачок – так уж который год, пора бы и привыкнуть, главное, не развалился, держится, а остальное – ерунда. Весь пол прогнул, сифонит через щели в окнах, лоскутами кучерявятся обои – тоже не смертельно. Вот со стеной в углу – проблема. Там, у потолка, такая трещина! Ладонь просунуть можно. А недавно ведь была совсем тонюсенькая ниточка, не сразу разглядишь. М-да... как бы стенка не обрушилась. И ладно – днем, тут еще можно убежать, а если ночью, когда спишь, да кирпичом по голове?! И пикнуть не успеешь... Очень нехороший звук идет оттуда: эдак пакостно шуршит, скребется, будто кто-то затаился – только тяжело дышит... Дом, понятно, старенький, лачуга, а не дом, но

надо ж где-то жить, других хором не предлагают. Как воздвигли этот барак давным-давно на городской окраине, так он последним на улице и остался. Дальше – ничего, дальше – чисто поле, огороженное темно-синим частоколом леса возле горизонта.

Все соседи правдами-неправдами отсюда выкарабкались, а вот Подковырову – не удалось. Застрял. Был, правда, до недавних пор дружок и закадычный собеседник из квартиры, что напротив, Феофан Жевякин, башковитый дядька, да и тот исчез – каким-то образом сумел на выборах по списочку партийному продрагаться в Думу, где и начал плодотворно возглавлять особый комитет по думским мироощущениям. Как пояснял Жевякин, комитет холуйский, но зато доходный. Тоже верно. Подковыров это понимал. Еще Жевякин заявил, прощаясь: ты, брат, не горюй, немножко потерпи, я тебя выдерну отсюда, дом снесем, и будет тебе новый. И – пропал. Оно естественно: хватает дел и без того.

Надежда, правда, оставалась на приятеля Андриюшку Срамюлюбцева, который в журнале «Чудо и жизнь» возглавлял хозяйственную часть. Он тоже обещал помочь с квартирой. Но с ним вышел казус: только объявили, что стране необходим очередной душевный гимн, способный в каждом пробудить патриотическую спесь, так Срамюлюбцев моментально тиснул у себя в жур-

Дом, понятно, старенький, лачуга, а не дом, но надо ж где-то жить, других хором не предлагают.

нале некие стихота собственного сочинения, где всё воспел, как есть, – потомкам в назидание. Куплетов было много, и Никифор Подковыров смог запомнить лишь начало:

*Величаво застыла страна,
Зарумянилось небо, светлея,
И протяжная песнь чабана
Раздается у стен мавзолея.*

Вроде и не бог весть что, однако же кому-то наверху текст померещился коварным и тлетворным, и, чтоб наказать строптивного поэта, в тихую редакцию нагрянули с проверкой. А уж результат был предсказуемым – нашли по хоз-финчасти кучу упущений, то бишь признаки циничного, как отмечалось в деле, воровства, и Срамолюбцев загремел на десять лет. Понятно: если б не дурацкий гимн, то и журить за воровство никто б не стал. А так... Тщеславие сгубило прыткого Андриюшку. Историческую перспективу ему подавай!.. И опять Никифор Подковыров оказался без малейших видов на пристойную квартиру. Больше помощи ждать было неоткуда. Завод, где он работал, за долги закрыли, а куда-либо еще устроиться не получалось – возраст akurat шел к пенсионному, и всюду, где Никифор появлялся, на него смотрели, как на дурачка.

Каждый раз, просыпаясь и прислушиваясь к разным звукам в стареньком бараке, Подковыров неизменно возвращался к своим давним упованиям и только горестно вздыхал. Работы нет, жены нет, детей нет, денег кот наплакал, дом вот-вот развалится... Ничемная, по сути, жизнь. Даже не жизнь, а какое-то гнилое существование.

Вот и сегодня Подковыров тихо встал (ему казалось, что любой чрезмерный звук или неловкое движение внезапно могут обвалить весь дом), оделся и привычно выглянул за дверь – к стене снаружи был прибит обшарпанный почтовый ящик. Никаких газет или журна-

лов Подковыров не выписывал уже давным-давно, однако ящик проверял исправно, потому что в самый неурочный час туда могли подкинуть то жировку, то уведомление о неуплате по неведомо откуда выросшей цене за свет и газ, то просто сообщение-предупреждение-напоминание о чем-либо таком поганом, отчего душа потом болела целый день. Могли, конечно, принести и письмецо – к примеру, от того же Срамолюбцева. Тут надо было сразу отвечать, поскольку, это Подковыров понимал, на зоне сплошь тоска и друга оставлять в беде никак нельзя, ему любое слово с воли – праздник.

Никифор малость постоял, всей грудью втягивая утренний осенний воздух, и привычно обозрел пейзаж, который открывался со двора: некошеное поле, речка, а за речкой – лес. Красиво, что и говорить. Назад, за свой барак, Никифор не любил смотреть – там понемногу подступали новые многоэтажные дома, где Подковырову, естественно, не жить. А коли так – чего же паялиться на чьи-то там хоромы?!

Хитроумным ключиком он отомкнул замок и сдвинул донышко у ящика – ровно настолько, чтоб удостовериться: есть нынче почта или нет. В ладонь ему упал квадратный небольшой конверт из очень жесткой, рыжей, чуть пыпурчатой бумаги. По диагонали, а не прямо, как положено, шла надпись исключительно красивым типографским шрифтом: «Лично – Подковырову Н.С.». Ни адреса, ни штемпелей почтовых – ничего. Лишь эта надпись... Что-то необычное почудилось Никифору в таком письме, и сердце поневоле часто застучало.

Он вернулся в дом и, чуть помешкав, старенькими ножницами вскрыл конверт. Внутри оказался сложенный вдвое белоснежный листок, а на нем тем же шрифтом было выведено: «Г-н Подковыров!

Настоятельная просьба – нынче в полдень оставаться дома». Дальше значились число и год.

Это увесистое «г-н» отчего-то не понравилось ему. Хотя в былые времена писали и похлеще – «т-щ». И ничего. Ко всем так обращались.

«Ага, – сообразил Никифор, поглядев на календарик в наручных часах, – это как раз сегодня. Что же, подождем».

По правде, в полдень он и не намерен был куда-то уходить, но надпись словно излучала магнетическую силу, понуждая ход естественных событий принимать как нечто, чуть ли не ниспосланное свыше.

Подковыров позавтракал, включил старый черно-белый телевизор, упрямо показывавший только ОРТ, и начал ждать. Вот тут и выяснилось, что включил совсем не зря: в урочный полдень именно с экрана в комнату шагнул престранный гость. Как это получилось, Подковыров никогда не смог бы объяснить, но факт остался фактом: на секунду отвернувшись, чтоб взять новую пачку сигарет, Никифор вдруг услышал шум и в следующий миг увидел визитера – тот как раз вытягивал из экранной рамки вторую ногу в легкомысленно-балетной туфельке. Во всяком случае обувь была явно не по сезону.

Нервной скачущей походкой, часто перебирая тонкими, кривыми, как у манекенщиц, ножками, незнакомец проследовал к окну и там остановился. Одет он был в блекло-зеленый, будто вылинявший от обильных стирок, полутренировочный костюм, полускафандр, слегка обсыпанный – то там, то здесь – искрющимися звездочками. Выражение лица имел немного туповатое, но в целом благородное, сродни тому, какое наблюдается у разных губернаторов и депутатов. Видно, положительная личность.

– Подковыров? – строгим голосом спросил незванный гость.

– Ну, я... – признал Никифор.

«Мать честная, да никак пришелец!» – В тот же миг подумал он и от такого вывода вместо испуга ощутил прилив внезапной радости – всё развлечение в унылой жизни!..

– Х-м, я вижу, ты не удивлен, – заметил посетитель.

– Вроде... нет, – ответил Подковыров. – Мне дружбан мой – он сейчас на зоне срок мотает, а до этого в большом журнале управлял – всегда указывал: не сомневайся, они есть! Не бойся их. Не навредят. Нам дадено друг другу больше насолить...

– Действительно, – кивнул пришелец. – Мы и вправду есть.

– Ну, и чего? – подбодрил Подковыров.

– Не суетись. Меня зовут Митюха, – с важностью представился пришелец.

– Митька, стало быть?!

– Нет! Это слово бранное и очень неприличное.

– И что же оно значит? – встрепенулся Подковыров.

– Не могу сказать, – замялся гость. – Ужасно неприличное. Такое вслух не говорят. Нельзя. А вот Митюха – исключительно солидно. Как бы титул.

– Ладно. Пусть Митюха будет. Один черт.

– Вот это славно. Ты – покладистый, и мы с тобой договоримся. – Гость счастливо улыбнулся.

– А о чем? – спросил Никифор.

– Обо всем! Затея грандиозная!

– Я понимаю... – согласился Подковыров – так, на всякий случай, чтоб Митюху не обидеть.

– Правда? – удивился тот. – Ну ты даешь! Выходит, не ошиблись мы с твоей сообразительностью.

– С этим – без проблем, – польщенный, крикнул Подковыров.

– А письмо прислал кто?

– Мы. Так вроде бы солидней получалось. Убедительнее, что ли. Не из телевизора же на весь свет кричать: сиди и дожидайся в полдень!

– Оно верно. Вылезать из телевизора – порядок, а кричать – не

Выражение лица незнакомец имел немного туповатое, но в целом благородное, сродни тому, какое наблюдается у разных губернаторов и депутатов.

надо. Не поймут. Не все, как я.
 – Само собой. Вот потому тебя и выбрали.
 – Куда?
 – Да не куда, а для чего. Тут юбилейчик был – Начала Всех Времен, и мы устроили большую лотерею. Очень интересный выигрыш: один, но просто сказка!
 – Я с государством в лотереи не играю, – отрубил Никифор.
 – Ну, какое ж государство!.. – фыркнул с небрежением Митюха.
 – Бери выше!
 – Выше? – удивился Подковыров.
 – Разве так бывает?
 – Еще как! Ты, главное, запомни: мы – это Вселенский Собор Разумов. А в нем есть Лига Благотворителей. И все несчастные и обез-

Какой простор, какая красота! Иди, куда захочешь, жизни недостаточно, чтоб до конца дойти, и небо синее над головой – такое беспредельное, такое чистое!..

доленные – под контролем. Им подарки делают. Кому – пожрать, кому – обновку, а кому – приятную дорогу на тот свет.
 – Не понимаю... на тот свет... чего же тут приятного? – невольно возмутился Подковыров.
 – Разные бывают пожелания, – вздохнул Митюха. – Одному – еще б родиться разик, а другому – и не появляться б никогда. Мы всё учитываем, все нюансы, и никто, поверь, не обижался.
 – Ну, а я? – не выдержал Никифор.
 – Вот теперь поговорим и о тебе. В дерьме живешь, не так ли?
 – Если по большому счету...
 – Да хоть по какому! Мысли всех рассудков во вселенной нам известны досконально. Мысли и желания... – Митюха огляделся. – Может быть, предложишь сесть? А то стоять обременительно... И дует от окна.
 – И впрямь, – засуетился Подковыров. – Ножки слабые, я заметил сразу.
 – Зато разум колоссален! – с недовольством возразил Митюха.
 – Это уж тебе виднее, я не спорю. И садись, где хочешь. Стул есть, кресло... Правда, ветхонькое, но еще послужит. Ну, и?..
 – Так об чем я? – уточнил Митюха, осторожно опускаясь в кресло.
 – О желаниях...

– Ага. О мыслях и желаниях. Твой дом вот-вот развалится...
 – К тому идет, – смиренно подтвердил Никифор. – Сколько раз сигналил, письма слал – всё бестолку. Другие вон – живут, а мне – шиш.
 – Я возмущен! – нахмурился Митюха.
 – Толку-то?
 – Нет, не скажи, – Митюха с важным видом распрямился в кресле. – Очень даже много толку. Твое горе, помноженное на мое негодование, в итоге принесло свои плоды. Я говорил про лотерею?
 – Говорил.
 – Так вот. Недавно сделали одно изобретение. Невероятное по перспективам и размаху. Чувствуешь?
 – Пока что нет, – смятенно возразил Никифор.
 – Вселенский умный дом! И каждому бездомному – по эдакому чуду. Раз и навсегда.
 – А что это такое? Разве недостаточно обычного?
 – Обычный никогда не будет до конца хорош. Ну, как ты не поймешь?! – Митюха вдруг заволновался, словно было нечто, исподволь смущавшее его. – Все-гда ведь хочется иного, лучшего!..
 – Что до меня, – заметил Подковыров, – то я буду рад и однокомнатной в хорошем доме. Разумеется, не где-нибудь в Зажопине, в районе новостроек, а в приличном месте. Чтобы рядом магазины были, скверы, и до центра три часа не ехать...
 – Тебе только кажется, что этого довольно, – сокрушенно повздыхал Митюха. – А получишь всё, и через месяц уже – мало, разные нюансы неучтенные возникнут. Так всегда...
 – Х-м, – призадумался Никифор. – Через месяц – вряд ли, хотя в принципе... Наверное, ты прав. Когда паршиво, быть бы живу. А потом...
 – Вот именно! – Митюха до того воспрянул духом, что вскочил из кресла и на чуть дрожащих хлипких ножках принялся шагать по комнате. – Ты сам все объяснил. Поэтому – о сути. Новшество невероятное, как говорится, штучная работа. Вероятно, после доработают, размножат, пустят в серию... Пока же экземпляр – один.
 – Мне больше и не надо, – скромно молвил Подковыров.
 – Я не сомневаюсь! Но дослушай!.. В честь Большого взрыва – дата круглая наметилась – мы провели совсем уж праздничную лотерею. Лига Благодетелей решила отыскать особенно несчастного и обездоленного во вселенной и вручить ему наиглавнейший приз. Кидали жребий – десять триллионов раз. И вот я здесь!
 – Да, я несчастен, – гордо подтвердил Никифор. – Даже и не знаю как. Вы молодцы. Мне мой дружан, который срок мотает, говорил всегда: есть в мире справедливость. Только... где ж подарок?
 – погоди! Дай досказать, чтоб не было потом бессмысленных вопросов или жалоб. Значит, так. Тебе вручается необычайный дом. Таких ни у кого на свете больше нет.
 – Увоил. Дальше!
 – С чем бы мне сравнить его – для ясности? – Митюха щелкнул пальцами и призадумался. – Ага. Скажу: фантасты о таком уже мечтали. Ты фантастику читаешь?
 – Н-ну, – смутился Подковыров, – иногда. Жюль Верн, Беляев, Буратино...
 – Это всё не то. Хайнлайн...
 – Не знаю.
 – Кржижановский...
 – И его не знаю.
 – Скверно. Вот они как раз писали. О доме с громадным числом измерений. В принципе похоже. Хоть и не совсем. У нас – гораздо лучше.

СИСТЕМЫ ЗАКЛАДНЫХ

Перфорированные и проволочные металлические кабельные лотки и каблеросты, кабельные короба и напольные стойки, коммерческие и промышленные магистральные системы

ШКАФЫ И СТОЙКИ

Настенные и напольные шкафы и стойки для электронного и сетевого оборудования, шкафы уличного исполнения, кабельные распределители, ответвители и монтажные коробки

КОММУТАЦИОННОЕ ОБОРУДОВАНИЕ

Розетки и модули, системы модульной коммутации, монтажные блоки, коммутационные модульные панели, соединительные шнуры и вилки, монтажный инструмент

КАБЕЛЬ

Телекоммуникационный и силовой кабель от компаний – мировых лидеров кабельного производства. Кабельная арматура и аксессуары, инструмент

ГРУППА КОМПАНИЙ ICS:

105082, Россия, Москва
 ул. Ф. Энгельса, д. 67
 + 7 (095) 755-68-19
 + 7 (095) 720-49-00

ics@icsgroup.ru
 www.icsgroup.ru

мы предлагаем компоненты для
 структурированных кабельных систем от
 ведущих мировых производителей

Мобильные телефоны с атомными часами могут стать реальностью

13

Исследователи из Мичиганского университета, создавшие атомные часы размером с кусочек сахара, полагают, что в недалеком будущем их изобретение можно будет использовать в мобильных телефонах и других устройствах. Широкое применение этих часов возможно благодаря их чрезвычайно низкому энергопотреблению. О технических подробностях атомных часов рассказал на международной конференции International Solid-State Circuits Conference в Сан-Франциско Кларк Нгуен, профессор Мичиганского университета. Погрешность хода этих часов составляет лишь миллисекунду в день или одну секунду за 274 года. Их объем равен всего одному кубическому сантиметру, а энергопотребление составляет около 75 мВт, благодаря чему часы могут питаться от обыкновенных батарей. По словам Нгуена, сейчас перед разработчиками стоит единственная цель - повысить точность часов и сократить потребление энергии до 30 мВт. Разработка ученых из Мичиганского университета может улучшить характеристики множества устройств. К примеру, мобильные телефоны смогут гораздо быстрее как принимать сигналы, так и блокировать их. А система GPS будет затрачивать меньше времени на получение сигналов, необходимых для определения точного местоположения, что позволит использовать менее мощные батареи.

– Я не сомневаюсь, – быстро произнес Никифор, вдруг перепугавшись, что ответами своими напугает и разочарует благодетеля.
– Да, у нас не просто расширение пространства, а вселенский, бесконечно умный дом, – негромко, но торжественно сказал Митюха. – Собственно, вселенная и есть...

– Звездам числа нет, бездне дна, – пробормотал Никифор.
– Что? – не понял гость.
– Да мой знакомец, депутат Жевякин, эдак говорит. Как надерется, так и говорит. Потом не помнит, правда, ничего...
– Он светлый человек? – с внезапной тревогой уточнил Митюха.
– Как сказать... Ворует помаленьку, но не вредный.
– Он несчастный?
– А они там все несчастные. Им вечно мало. Я их не жалею.
– Значит, этот отпадает, – облегченно покивал Митюха. – Может подождать.
– Конечно, может! Ну, а дальше? – Подковырову хотелось поскорей уйти от демогливой темы. – Где он будет, этот дом? Большой он? Во дворе-то хоть поместится?
– Окстись! – Митюха выдержал трагическую паузу. – Какой там двор?! О чем ты? Я же говорю: вселенский дом! Со всеми причинами! Безмерно совершенный и разумный! Ты один им будешь обладать. Пока, наверное... – поспешно уточнил он.
– Ну, и что я буду делать с ним? Как буду жить?
– А очень просто. Всё – твое! Любое пожелание, любое устремление... Положим, ты захочешь путешествовать. Ведь любишь путешествовать?
– Не знаю, может быть, – пожал плечами Подковыров. – Были б деньги...
– Да они теперь и не понадобятся! Понимаешь? Открываешь дверь, и сразу – в путь.
– И далеко уйду?
– Хоть до границ вселенной!
– Х-м, – пригорюнился Никифор. – Знакомая песня: границы у нас на замке... Ну, а дальше?
– Вот дальше нельзя. Мироздание не позволяет. Ты прав: за границу – ни шагу.
– Ладно, – вздохнул Подковыров, – тут я потерплю, не привыкать. И сколько времени так можно путешествовать?
– А это уж зависит от того, куда ты направляешься. Желаете – в прошлое...
– Ох ты! – невольно восхитился Подковыров.
– Я и говорю: сплошные чудеса. И в прошлое ты можешь углубиться на пятнадцать миллиардов лет.
– Всего-то?
– Ничего себе! Да разве мало?
– Вообще-то нет, – уклончиво ответил Подковыров. – Ну, а вдруг захочется еще?
– Нельзя. Там – сингулярность. Значит, стоп машина. Дальше дом не пустит.
– Жаль. Конечно, мне на эту сингулярность наплевать, но все равно. А если в будущее? Тоже интересно ведь...

– Еще бы! Тут ты миллиардики на двадцать сможешь отойти. Покуда во вселенной не наступит тепловая смерть. Но это, ежели вселенная открытая. А если все-таки границы существуют, то дойдешь до точки, где она начнет сжиматься, – и придется поворачивать оглобли. Дальше снова – ходу нет.
– Смотри-ка ты! – разочарованно сказал Никифор. – В прошлое не убежишь и в будущее – тоже. Не пойдешь туда, не повернешь тут... Какая-то тюрьма народов получается!
– Да, батюшки, зачем тебе так далеко?! – сердито закричал Митюха.
– А вот – хочется, – сварливо отозвался Подковыров. – Я всю жизнь, считая, провел здесь, во дворе своем. И если уж такая вдруг возможность появилась...
– Нет ее! – с тоскою простонал Митюха.
– Как ты хочешь – нет!
– Вот то-то и оно. А ты наговорил... Вселенский дом, бескрайний, совершенный, умный...
– Это правда. Лучшего природа не придумала.
– Природа? Вы же сами сделали...
– Да, захотели сотворить по-своему, – вздохнул Митюха. – А получилось, как в природе. Теперь, поди, не отличишь... В том и величие содеянного. И тебе, ничтожному, всё это предлагают!
– Не такое уж, выходит, я фуфло, – отметил Подковыров. – Но, как говорил Жевякин, недоделочки меня не очень радуют...
– Какие недоделки, бог с тобой?! Законы существуют, вечные природные законы. Их никак не обойти.
– Природные! – сказал, зверея на глазах, Никифор. – Их пытаться обходить – себе во вред. Зато уж наши сочиняют так, чтоб можно было за версту объехать. И других законов нам не надо. Это каждый знает. Ведь никто не любит кабалу...
Митюха горестно развел руками.
– Может, на Земле у вас и так, но то, что мы задумали и предлагаем – в принципе иное. Полная свобода, полный достаток, только – в некоторых рамках. Разве ты, Никифор Подковыров, бедный и несчастный, столь свободен в этой жизни? Вероятно, целую минуту Подковыров размышлял, мучительно обсаывая фильтр незажженной сигареты.
– Ты, пожалуй, прав, – сказал он наконец. – Но я зато могу мечтать. О чем угодно и когда угодно. И плевать мне на вселенские законы. Там, в мечтах, ограничений нет совсем. Все правила – мои, и только я могу их изменять. И это никого не задевает. Вот в чем дело.
– А ведь дом – ничей, – напомнил вкрадчиво Митюха. – И владеть предло-

жено тебе. Умнейший, совершенный дом. Прекрасней не бывает. Посмотри, в какой лачуге ты ютишься!

– Ну и что? Я в общем-то привык. Хотелось бы, конечно, что-нибудь получше... – Так бери! Тебе дают!

– И после каждую минуту вспоминать: того нельзя, сюда нельзя, от сих до сих – запрещено?.. Всё круто, счастье льется через край. Да эдак спятишь через день! – А здесь не спятишь?

– Постараюсь.

– Странный ты, однако, – произнес прокисшим голосом Митюха. – Я бы прямо здесь, сейчас, в один момент, преобразил твоё пространство, весь твой двор, твою лачугу – и жируй, гуляй, живи, как бог! До самой смерти. Впрочем, если пожелаешь, то и смерти можно избежать – естественно, в пределах хронологии вселенной. Будешь ездить взад-вперед – то в прошлое, то в будущее...

– А по сути-то – топтание на месте, – уточнил Никифор. – Разве это жизнь?! Митюха подошел к столу, взял корочку сухого хлеба и с довольным видом прожевал. Никифор в свой черед открыл початую бутылку, вылил все, что оставалось со вчерашнего, в стакан и, крикнув, выпил.

– Хорошо!

– У всех свои критерии, – рассеянно признал Митюха. – Я не ожидал, что ты так повернешь...

– Я тоже, – неожиданно смутился Подковыров. – Думал: нос Жевякину утру. Не только депутатам счастье... Ну, а дом куда теперь? Без дела пропадет?

– Не пропадет, – махнул рукой Митюха.

– Мы переиграем лотерею. Обездоленных, несчастных – много, и согласные всегда найдутся. Ведь не все же рассуждают так, как ты. Хозяин в доме будет, уж не сомневайся. Будет с толком управлять и жить...

Никифор криво усмехнулся:

– Чтоб несчастный с толком управлял...

Не знаю. Что он понимает? Только наломает дров.

– Да он от этого счастливым станет! Поумнеет и остепенится. И со временем...

– Во-во! Счастливые и пишут нам различные декреты. Им бы только воровать... Им бесконечности твоей пределы не нужны.

– Опять ты... Не пределы, но законы!

– Всё одно. Садись. Чего вскочил?

Митюха приосанился, придал лицу торжественное выражение и с придыханьем заявил:

– Нет, я не сяду. Я уйду. Ты не готов, и мне здесь делать больше нечего.

– Не то чтоб не готов, – поморщился Никифор, – но... Сам прикинь!

– Несчастных много, – повторил Митю-

ха. – Честных, искренних несчастных, для которых каждый знак внимания – нежданный, удивительный подарок. Мы в беде их не оставим.

– В добрый час, – ответил вяло Подковыров.

– Отвернись! – скомандовал Митюха.

– А зачем?

– Так надо. Ты не должен видеть, как я буду уходить.

– Настолько страшно? – хмыкнул Подковыров. – Я же видел, как ты появился.

– Мы уходим по-другому. Так заведено.

– М-да, – покивал глубокомысленно Никифор, – каждый сходит с ума по-своему. Ну ладно, черт с тобой. Прощай?

– Прощай, – уверенно сказал Митюха. – Может, передумаешь?

– Нет. Мы ж договорились!

Подковыров отвернулся и, зачем-то мысленно считая до двух сотен, стал прислушиваться. Но со стороны окна не доносилось ни малейшего движения.

«Все!» – наконец скомандовал себе Никифор и с тревогой оглянулся.

Никого. Митюха попросту исчез – беззвучно растворился в воздухе, как будто никогда здесь и не появлялся.

Только скверный запах – словно из общественной уборной возле пункта по приему стеклотары – неожиданно поплыл по комнате...

«Проветрить надо, вон как насмердел!»

– подумал Подковыров, распахнул дверь на крыльцо, немного задержался у порога и спустился по гнилым ступенькам.

Удивительное дело: угрызений совести он не испытывал. Да, собственно, и в чем он мог бы упрекнуть себя? Не захотел принять подарок? Так ведь это его право! Ну и что, что он несчастен?! Не любое подношение способно скрасить жизнь, нет, не любое.

Он оглянулся на свой дом. Лачуга, разумеется, вот-вот развалится, и перспективы на улучшение – никаких. Зато, коль посмотреть в другую сторону... Какой простор, какая красота! Иди, куда захочешь, жизни недостаточно, чтоб до конца дойти, и небо синее над головой – такое беспредельное, такое чистое!.. И нет таких законов здесь, в земной юдоли, запрещающих идти, бежать, лететь – сколько душа попросит, и мечтать о бесконечном, вечном и разумном, у которого и впрямь не существует, ежели подумать, никаких пределов, кроме твоего стремления... Покуда жив, пределов нет.

Не то, что этот дом, куда пытался запихнуть его незванный благодетель. Да и было ли все наяву? Приперся, колдырь колдырем, как давешний сосед и депутат Жевякин, невесть что наобещал... Возможно, он и совершенный, этот уди-

Ночных сторожей заменит дroid-колобок

В ближайшем будущем охранников фабричных и складских помещений может заменить сферический дroid, сообщается на сайте газеты The Sun. В разработке робота, который похож на большой черный шар для боулинга, шведские инженеры из компании Rotundus использовали технологии, предназначенные для изучения поверхности Марса. Робот может катиться по заранее заданному маршруту и, используя встроенные сенсоры движения, обнаруживать нарушителей и воров. Кроме того, во время их преследования робот-колобок способен делать снимки грабителей с высоким разрешением. Робот движется за счет колебаний внутреннего маятника и способен развивать скорость свыше 30 километров в час. По словам создателей, он может одинаково хорошо передвигаться как по суше, так и по воде. Кроме фотоаппарата и сенсоров движения, робот будет оснащен мощной сиреной и датчиками пожара и обнаружения газа.

вительный вселенский дом, но... как-то чересчур. Не для простого человека. Не где разгуляться, вот в чем дело. Истинно, тюрьма народов! ■